

«УТВЕРЖДАЮ»

Директор ФГБУН

«Институт славяноведения РАН»

К.В. Никифоров

« 7 » апреля 2015

ОТЗЫВ

**ведущей организации Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Института славяноведения РАН»
о диссертационном исследовании А. А. Индыченко
«Чешский литературный язык за пределами его этнической территории в XV – XVII вв.», представленной на соискание
ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.02.03 – славянские языки**

Диссертационное исследование А. А. Индыченко относится к кругу работ, посвященных истории чешского литературного языка, а именно чешского языка XV–XVII вв., функционировавшего в качестве литературного в других славянских регионах – в Малопольше, Силезии и в Западной Словакии в период отсутствия здесь собственных национальных языков. Тем самым предлагаемое к защите исследование имеет отношение и к истории сложения литературных польского и словацкого языков (словацкого культурного диалекта), на формирование которых чешский язык оказал известное влияние. История славянских литературных языков остается одной из актуальных тем современной славистики.

История чешского литературного языка достаточно хорошо разработана и в теоретическом, и в практическом плане (труды Я. Гебауэра, М. Комарека, В. Важного, Б. Гавранека, К. Горалека, Я. Порака, А. Лампрехта, Д. Шлосара и др.), изданы и проанализированы с точки зрения языка многие памятники древнечешской письменности (Й. Мацурек, Я. Порак, Ш. Книежа, А. Кноп). Вместе с тем, в богемистике недостаточно внимания уделялось документам, созданным на литературном чешском языке за пределами центральной чешской территории, в том числе, в соседних славянских землях, а это целый пласт деловой, юридической, художественной литературы, которые могут дать дополнительный материал как по истории чешского, так и по истории тех славянских языков и диалектов, на территории которых создавались памятники.

Так, например, в Словакии, как показал К. В. Лифанов, на основе местного варианта чешского языка сложился гибридный идиом, легший в основу «словацкого литературного языка старого типа», кодифицированного позже А. Бернолаком. Для польского языка чешский оказался образцом при формировании собственного литературного языка и донором немалого количества слов. В Силезии, земли которой на протяжении своей истории неоднократно переходили то к польскому, то к чешскому государству, чешский язык продолжал оставаться литературным языком с государственным статусом и, видимо, родным языком для части населения.

Актуальность и новизна диссертационной работы А. А. Индыченко заключается в разработке вопросов исторической богемистики, поскольку в центре внимания диссертанта – чешские средневековые документы, которые не были предметом систематического лингвистического анализа, сравнения с языковой нормой чешского языка пражского центра и сопоставительного изучения языка отдельных групп грамот. Опираясь на опыт изучения данной проблематики в предшествующих работах, данное диссертационное исследование вводит в научный оборот новые лингвистические данные – результат изучения нового конкретного исторического материала – данные, которые будут востребованы при *комплексном* описании чешского литературного языка во всех его ипостасях и хронологических срезах.

Диссертация состоит из четырех глав, заключения, сводных таблиц, списка исследованных грамот, списка литературы и приложения.

В **первой главе** обсуждаются проблемы описания литературного языка донационального периода; проблемы терминологии, в том числе значение и рамки употребления самого термина *литературный язык* и синонимичных ему *национальный, книжный, этнический*; проблема нормы и узуса – в синхронном и диахронном аспекте; вопросы наименования идиомов, возникших в ходе интерференции литературного языка и говора; статуса деловой письменности в системе письменной коммуникации разных регионов; методика исследования литературного языка за пределами Чехии и другие теоретические вопросы.

Вторая, третья и четвертая главы посвящены разбору грамот на чешском литературном языке соответственно в деловой письменности Малопольши, Верхней Силезии и Западной Словакии.

Диссертационное сочинение А. А. Индыченко содержит полный цикл научного творчества – от создания базы для исследования (на основании анализа языка 252 чешских грамот польского, словацкого и силезского происхождения) и выработки оригинальной и гибкой методики исследования – до обоснованных и убедительных выводов, в том числе, вносящих

корректировки в некоторые положения существующих работ по рассматриваемой проблематике (например, корректировка положений Я. Порака, с. 86, с. 101).

Диссертант исследовал опубликованные документы деловой письменности: 36 грамот из Малопольши, 80 грамот из Силезии и 136 из Словакии (издания Й. Мацурека, Й. Мацурека и М. Рейнуша, Ш. Книежи, Б. Варсика).

Задачей диссертанта было: изучить фонетические морфологические, отчасти и лексические особенности языка средневековых чешских грамот; систематически сопоставить языковой облик документов с узусом чешского языка пражского центра, проследить распространение в них центрально-чешских инноваций XV–XVII вв., оценить время их проникновения в региональные варианты чешского и частотность их употребления; определить в текстах, создаваемых на чешском языке, диалектные черты местных говоров, на территории которых тексты создавались, и степень проникновения диалектных особенностей говоров в эти тексты. Отдельной задачей диссертанта было сопоставление языковых особенностей текстов, написанных в разных областях.

Для каждой территориальной группы грамот, при необходимости разделенных на хронологически более мелкие группы, был проведен анализ по единой методике. В результате проведенного исследования диссертант приходит к выводу, что чешский язык, использовавшийся в деловой письменности за границами чешской этнической территории, отличался высоким уровнем стабильности, связи с чешским центром, отражением синхронных текстам фонетических и морфологических инноваций в чешском языке. Особенности исследованных грамот диссертант объясняет сохранением исторической вариативности собственно чешских языковых процессов, в ряде случаев поддерживаемых чертами местных говоров, приводящих, как в Западной Словакии, к постепенной адаптации чешского языка к местному языковому узусу. Проникновение в тексты деловой письменности диалектизмов различается по регионам от наибольшего количества местных диалектных особенностей в группе польских «гибридных» текстов до единичных случаев – в силезских грамотах.

В **Заключении** А. А. Индыченко подробно описывает результаты своего исследования, последовательно и в сопоставлении характеризуя язык чешских грамот разного происхождения с разных точек зрения: по степени стабильности, степени проникновения чешских инноваций, степени проникновения местных диалектных особенностей, специфике обнаруженных черт.

Сводные таблицы, приведенные в конце диссертации, дают количественный обзор чешских фонетических вариантов и инноваций в разных регионах вне чешской территории.

Далее следуют список исследованных грамот и Список изученной литературы (145 позиций).

«Сводная таблица реализаций отдельных рефлексов в исследованных текстах», помещенная в **Приложении** на 33-х страницах, представляет собой самостоятельную ценность, поскольку включает конкретный материал изученных документов XV–XVII вв., паспортизированный по источнику, хронологии и региону и классифицированный на основе реализации отдельных языковых рефлексов (отражения рефлекса $\check{s} > \check{s}'$, $\acute{u} > ou$, ассимиляции и т.п., всего 16 позиций). Табличная форма подачи дает возможность наглядно убедиться в репрезентативности разных фонетических реализаций (например, преобладании в грамотах из Западной Словакии 2-ой пол. XVI–XVII в. написаний с \acute{u} : *svúj*, *Bůh*, *vůle*, и др.).

Высоко оценивая диссертационное сочинение А. А. Индыченко, нельзя не указать на ряд недочетов, неточностей или досадных ошибок.

1. Для понимания социолингвистической ситуации в Чехии и приграничных с нею землях выглядит необходимой информация о территориальных и хронологических рамках вхождения отдельных регионов и княжеств в состав Чешской Короны, Польского, Венгерского королевства или Габсбургской монархии в период XV–XVII в., равно как и краткая характеристика внутренних и внешних политических, а также, что особенно важно, конфессиональных противоречий на рассматриваемых территориях. Противостояние католичества и протестантизма, как представляется, имело большое влияние не только на политические, но и на тесно с ними связанные лингвистические процессы, в частности, в Польше и Силезии.

2. Представляется, что языковая ситуация в Малопольше и Западной Словакии кардинально отличалась от ситуации в Верхней Силезии, что необходимо было бы отметить в диссертации. Если в первом случае речь идет о территории иных славянских народов и самостоятельных государствах (пусть для Словакии и государства не национального), то в случае Силезии, видимо, надо говорить об этнически смешанном составе ее населения, многократной периодической смене государственной чешско-польской принадлежности, закончившейся включением большей ее части в состав Германии. Иными словами, в Силезии проживало чешское (в том числе) население, говорившее на диалектах чешского языка, а, возможно, и вариантах разговорного чешского языка, вследствие чего уровень владения чешским литературным языком здесь

был высок и чешский язык представлял собой стабильное образование. Особенности социолингвистической ситуации в Польше и Словакии с одной стороны и в Силезии с другой, определили и различные следствия употребления чешской деловой письменности на местах и ее влияния на местные языковые образования.

3. В Автореферате общетеоретическое вступление не подводит к теме исследования и оставляет у читателя ряд вопросов, ответы на которые для него вовсе не очевидны, - о функционировании чешского языка на периферии и за границами земель Чешской Короны. Для большинства читателей, которые познакомятся с диссертацией только на основании Автореферата, необходимо было бы кратко охарактеризовать социолингвистическую ситуацию в изучаемых регионах, поскольку она во многом определяла и объясняла многие собственно лингвистические процессы, наблюдаемые в том числе в языке деловой корреспонденции. Освещение социолингвистической ситуации способствовало бы пониманию того, почему, например, в Силезии наблюдалась тенденция к консервации старых чешских явлений, а в Словакии с самого раннего времени происходило упрощение чешского вокализма и приспособление его к вокализму западно-словацких говоров.

Из частных замечаний:

4. В тексте диссертации осталось необъясненным сохранение в «польских» чешских грамотах старшего варианта *aj* против его перегласованного варианта *ej* в случаях типа *najlepszy*, *volaj* и под., признаваемое старшим неперегласованным вариантом, а не влиянием польского языка (с. 39–40).

5. Рассматривая рефлексы долгого *ó* > *ou* > *ú* и объясняя ряд отклонений в их реализации различиями в древнечешской и новочешской долготе, отразившимися в частности, в ляхских говорах, автор диссертации приводит пары примеров: *tuohl* – лях. *tuh*, *zakoun* – лях. *skun=skon*, *yakou* – лях. *jakuž* (с. 42). Между тем, пример *zakoun* – *skun=skon* не корректен, поскольку соотносит разные слова – ‘закон’ и ‘кончина, агония’.

6. К фонемам, не имеющим соответствий в чешском языке, [l’], [k’], [v’], видимо, по ошибке, отнесена также фонема [m’] (с. 56), в старо-чешском представленная.

7. В п. 3.3.2. «Отражение дифтонга *ou* < *ú* в инициальной позиции» приводятся примеры, где данный дифтонг находится не в начальной позиции: *moudří*, *budouce*, *sousedství*, *dosáhnouce* и др. (с. 94). Правда, в следующем абзаце разбираются в основном «правильные» примеры: *ourok*, *ouřad*, *oumysl*, *outrata*, *ouprímně*, но и среди этих приставочных образований (реализация

префикса *ú-*) опять помещен пример неначальной позиции: *zoumyslně*, значение которого автором не указано; если же слово является отображением фонетического варианта лексемы *zlomyselně*, то оно в данной группе примеров явно лишнее.

8. Не вполне четко выражен смысл суждения на с. 129: «Дифтонгизация долгого *ó* осуществилась в диалектах чешского языка в XIV в., однако в памятниках XV в. еще преобладает написание *uo*; долгое *ó*, согласно Гебауэру, встречается в памятниках вплоть до середины XV в., что, по мнению Комарека можно рассматривать как чисто орфографическое явление». Какой звук должен был преобладать в XV в., если в XIV в. осуществилась дифтонгизация *ó > uo*? Но, возможно, это простая опечатка.

9. Примеры, иллюстрирующие перегласовку *u > i*, которая «отражается в текстах еще реже – отступления обнаруживаются только в 7% грамот (8 примеров)» противоречат заявленному положению. Вместо ожидаемых примеров на редкие переходы гласного *u* в *i*, приводятся обещанные 8 примеров, но на сохранение *u*: *vassu milost, z obczu mluvil, na nedielyu* (с. 147).

10. Вызывает сомнения отнесение ряда позиций в п. 4.5.3. «Словообразовательные и лексические инновации» при разборе чешского языка Западной Словакии, где, как представляется, налицо фонетические явления, к тому же не всегда это варианты, появившиеся под влиянием словацких диалектов. А именно: п.1) формы с согласным *s* против чеш. *t*: *chczeli* вместо чеш. *chtít*; п.2) *mosily smy* и под. – вместо чеш. *muset* (есть и ст.-чеш. форма *mositi*, и морав. *mositi, moset, mosit*); п. 3) *sloboda* вместо чеш. *svoboda* (с. 155) и ряд «характерных словакизмов», по терминологии автора, сопоставляемых с чешскими формами (с. 156-158): *sedenym* – чеш. *sezením*, *zwira* – чеш. *zvíře, se dowedowali* – чеш. *dovídat se, predal* – чеш. *prodal, vnuter* – чеш. *vnútro* (хотя есть и ст.-чеш. форма *vňutrř*), *predopsaného* – чеш. *předepsaného*.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значения и качества диссертационной работы А. А. Индыченко, которая является самостоятельным, зрелым, творческим сочинением, выполненным на высоком научном уровне. Диссертантом проделана огромная работа, требовавшая глубоких и разнообразных познаний в области славянских языков – исторической грамматики, диалектологии, лексикологии, социолингвистики, контактологии – а также в области славянской истории. В работе А. А. Индыченко содержится решение важной для истории чешского литературного языка проблемы характеристики языка письменности на чешском языке, создававшейся за пределами его этнической территории. Диссертация написана хорошим языком,

изложена логично и ясно, практически лишена ошибок (всего с десяток мелких опечаток).

Основные положения и результаты диссертации прошли апробацию на международных и отечественных научных конференциях, о чем свидетельствует список публикаций диссертанта: 9 статей, в том числе 3 – в журналах из списка ВАК и одна в зарубежном (чешском) издании. Публикации и Автореферат (на 26 стр.) отражают содержание диссертационной работы.

Диссертационное сочинение А. А. Индыченко полностью соответствует критериям, установленным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года, № 842 (пп. 9, 19, 11, 13, 14 «Положения о порядке присуждения ученой степени»), а его автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.03 (славянские языки).

Отзыв составлен к.ф.н. научным сотрудником Отдела этнолингвистики и фольклора Мариной Михайловной Валенцовой, обсужден и утвержден на заседании Отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН «7» апреля 2015 года, протокол № 8.

Зав. Отделом
этнолингвистики и фольклора
доктор филол. наук

С. М. Толстая

Отзыв составила:

М. М. Валенцова

Сведения о ведущей организации:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт славяноведения Российской академии наук»
Россия, 117434, Ленинский проспект, 32 А.
Тел. +7(495) 938-17-80, email: inslav@inslav.ru. Сайт: www.inslav.ru.

ВЕРНО: *Подписи удостоверяю*
Заведующая кадрами
Л.С. Шилин *Л.С. Куренная*
"07" апреля 2015 г.

